

Рауфа Кариева

ПЕЧАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ
про женскую
грудь

СУРОВАЯ ПРАВДА
о жизни и судьбе

18+

Рауфа Кариева

**Печальная повесть
про женскую грудь**

«ЛитРес: Самиздат»

2013

Кариева Р. Р.

Печальная повесть про женскую грудь / Р. Р. Кариева — «ЛитРес: Самиздат», 2013

Три мои подруги в разные свои молодые годы ушли из жизни почти по одной причине. Почему по этой же причине не ушла из нее я? Ведь были все признаки надвигающейся беды. Но - нет. Я до сего дня жива и здорова. Об этом я размышляю в своей повести. Людям слишком впечатлительным читать повесть не советую.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1. Первый звоночек	9
Стирка	10
Марина	11
Зайтуна	13
Новые подруги	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Рауфа Кариева

Печальная повесть про женскую грудь

Предисловие

Обращение к читателю. 8 постулатов

Постулат № 1

Я не врач. И не психолог. И не народный целитель. Поэтому все, что написано в моей повести, нельзя воспринимать как медицинские советы, назначения или рекомендации.

Даже если в тексте повествования приводятся рецепты, наименования лекарственных растений и препаратов, заговоры и методики лечения, все это не следует рассматривать как информацию в стиле журнала ЗОЖ. Все перечисленное присутствует в тексте исключительно с целью иллюстрации моего тогдашнего – во время событий, описываемых в повествовании – состояния: физического, психологического, морального.

Тот факт, что я занималась самолечением, подробно описывается и признается публично, но и не в качестве призыва к подражанию, хотя и не для самобичевания. Просто подробное описание моего самолечения необходимо, как наглядное отображение хода моих мыслей, в связи с жизненными ситуациями, в которых я находилась.

Подробное описание моего самолечения иллюстрирует не только особенности моих размышлений, но и поиск выхода из затруднений морального и финансового свойств, отнюдь не означая пропаганду методов лечения, которые я использовала.

Более того, я настоятельно рекомендую всем читателям: если вы заболели, или заподозрили у себя какую-либо болезнь – срочно обратитесь к дипломированному врачу за помощью! Не занимайтесь самолечением ни в коем случае! Повторяю: я использую в своем повествовании околomedicalную информацию исключительно с целью более точного описания моих переживаний и мыслей по поводу лечения моего тогдашнего физического состояния.

Постулат № 2

Я хочу предупредить своих читателей, что при написании этой повести, как и при написании других моих литературных изысканий, я ни в коем случае не стремлюсь вызвать к себе жалость. Уверяю вас: я сильный и успешный человек, здоровый, веселый и красивый. И в жалости я абсолютно не нуждаюсь. А если я и описываю порой довольно тяжелые жизненные ситуации, которые я преодолела в течение своего жизненного пути, собственные и чужие неудачи, и даже беды, так только для того, чтобы проанализировать все это как жизненный опыт. Я уверена, что все ситуации, в которые мы попадаем, и события, которые мы переживаем, даются нам неспроста. Они даются для следующего:

- обучения, чтобы мы стали мудрее и совершеннее;
- наказания (отработки) за ранее совершенные ошибки;
- испытания (проверки) – стали ли мы мудрее, сильнее и какие выводы мы сделали из жизненных уроков.

Все, что преподносит нам жизнь – плохое и хорошее – есть уроки. Их необходимо выучить. Понять: зачем, для чего жизнь заставляет нас получить такой, порой очень горький, опыт. Именно поэтому, а не ради вызывания жалости, я максимально подробно и без прикрас,

перечисляю все события, которые я пережила в прошлом. Хочу понять, чему жизнь хотела меня научить, что она мне демонстрировала, устраивая испытания.

А испытания моя жизнь устраивала мне порой такие, будто я белье, и меня прокручивают в стиральной машине в режиме «интенсивная стирка».

Да, моя жизнь, при воспоминаниях о прошлом, часто видится мне как цепь сплошных неудач и разочарований. А в тот текущий момент, в реальном времени события, мне никогда не было понятно, каковы причины ситуации, каковы настоящие последствия именно поступков того временного периода, и моих тогдашних решений. Поэтому я надеюсь, что сейчас, через много лет, мне удастся объективно оценить свои поступки и их значение для последующих жизненных событий. Сейчас, при написании рассказов и повестей, всех моих произведений автобиографического характера, у меня появилась надежда правильно и объективно оценить события моего прошлого.

Постулат № 3

Я пишу свои повествования, не имея цели найти виноватых в моих бедах и неудачах. Я не пытаюсь обвинить кого-то, даже тех, кто по фактам действительно поступал со мной плохо, обижал меня. В любых ситуациях, даже когда меня обижали и предавали, виноватых нет, кроме меня самой. Теперь я в этом уверена полностью.

Человек всегда является сам первоисточником, причиной всего, что с ним происходит – и плохого, и хорошего. А если я и включаю в описание своих событий характеристики других людей, и их действия, то делаю это отнюдь не с целью обвинить их во зле, причиненном мне, не с целью осудить их поступки, или излить свою обиду и негативные чувства в адрес этих людей. Описание поступков этих людей, характеристика их, даются мною в повествовании как анализ их «работы» как моих жизненных учителей.

Все, с кем мы встречаемся в жизни, посланы нам для нашего обучения, или испытания, или наказания (отработки долга). Все они – по «заданию» судьбы, или провидения, или высших сил – наши учителя. Сыграли ли они в нашей жизни роль помощников, советчиков, или, наоборот, усложнили нам жизнь – все это они сделали неспроста, а как бы по заданию жизни, или каких-то неведомых нам могущественных сил.

Только теперь я понимаю, что это именно так. И поэтому я осознала бессмысленность осуждать кого-то, с кем я столкнулась по жизни, или обвинять их в чем-то.

Постулат № 4

Да, все люди, с которыми мы сталкиваемся на жизненном пути, являются посланниками, которых «командировала» жизнь. Это – вселенский закон.

По отношению к другим людям я и сама, по тому же закону, являюсь учителем. Но для анализа моей жизни и меня самой, в настоящий момент, когда я хочу сделать выводы о своей жизни, важно именно мое обучение и развитие. Поэтому на моей роли в чьей-то жизни я внимание не концентрирую. Это – первый момент постулата. И второй момент – в отношении меня самой, при анализе своего поведения в различных ситуациях, стараясь быть объективной по отношению к себе, выявляю свои ошибки и просчеты. Признаюсь в слабостях и недостатках. Однако я делаю это не для самоуничтожения, самобичевания, клеймения или посыпания головы пеплом – самой себя. Нет. Я только анализирую свои поступки и пытаюсь понять, правильно ли я поняла урок, который преподнесла мне жизнь. И даже если констатирую, что я очень виновата в чем-то, это не значит, что считаю себя неизменно виноватой, нуждающейся в клеймении. Но, в тоже время, даже если я привожу доводы, объективные причины, которые способствовали именно такому моему поведению, это не значит, и что я себя оправдываю, и

ищу одобрения (неосуждения) со стороны. Как я уже, в прошлом, поступила – так и поступила. Ни поддержки, ни осуждения мне не надо. Я просто делаю анализ своей жизни. И все.

Постулат № 5

По поводу моих предыдущих рассказов мне написали некоторые читатели, что им становилось порой страшно от описания событий моей жизни. У них портилось настроение, и наворачивались слезы. Зачем, спрашивали меня они, излагается столько мрачных событий? Одна дама даже написала гневное письмо, что, мол, зачем я все драматизирую и пугаю народ.

Я этих людей не понимаю. И отвечаю на такие выпады следующее:

Извините, пожалуйста, но у меня в прошлом нет особо веселящих и развлекающих событий, типа «я пела в метро, а мимо случайно проходил продюсер с мировым именем. Он меня услышал, очаровался моим пением, и быстро сделал из меня поп-звезду». Или типа «я мыла полы в подъезде, а в дом этот по счастливому стечению обстоятельств и по какому-то импульсу, к своему другу детства, вдруг приехал мультимиллионер, наследник торгового дома Chanel, или заводов Ford. Он увидел меня, влюбился без памяти, и сразу женился на мне».

Извините, что не было у меня таких поворотов судьбы. И других ярких событий не было: женой турецкого султана я не была, и английский принц предложение мне не делал. Да и основать бизнес с нуля, стать владелицей многомиллионного состояния, а также заводов, «газет и пароходов», я не сумела.

Моя жизнь была такой, какой я ее описываю в своих произведениях. Разумеется, это взгляд изнутри меня самой. Но я очень и очень стараюсь быть объективной. И не для того, чтобы кому-то понравиться, или кого-то напугать, или найти сочувствие или одобрение. Мне не нужно ни одобрение, ни сочувствие. Мне нужно понять, почему в моей жизни были эти события, и правильные ли я сделала из этого выводы.

Я обычный человек, и в моей жизни не было судьбоносных для человечества событий. Но в тоже время, моя судьба не является уж столь трагичной, что кто-то даже может испугаться. Моя жизнь не страшная и, в той же степени, она не юмористичная. Она просто – моя. Тем для меня и дорога. Это – мой жизненный путь исканий и опытов. Бесценных опытов. Зачем же я стану свою жизнь приукрашать, смягчать ее события, или придумывать красивые истории? Чтобы кто-то не напугался, или поразвлекался?

Еще – пугливым и напуганным читателям – хочу сказать следующее. Слава Богу, в моей жизни нет, и не было, криминальных, детективных, трагических событий. И в моих рассказах нет сцен насилия, описания тяжелых алкогольно-наркотических проблем и страшных, опасных ситуаций. Потому что их не было в моей жизни. Так что же пугает некоторых моих читателей?

Однако, все люди разные, и психика у всех имеет разную степень устойчивости. В связи с этим я делаю такое предупреждение. В повести, которую вы сейчас начнете читать, содержится описание некоторых тяжелых ситуаций из жизни людей, которых я знала. Есть и трагические моменты. Поэтому я прошу, если кто-то считает себя очень чувствительным, с тонкой, ранимой психикой, и знает, что является эмоциональным и впечатлительным человеком, пожалуйста, не читайте дальше. Сейчас нет недостатка в легкой развлекательной литературе – читайте ее!

Постулат № 6

Если во время прочтения повести вы поняли, что были современником, свидетелем, очевидцем или даже участником описываемых событий, и не согласны с моей интерпретацией – напишите свою версию этих же событий. Напишите не хуже меня. И пусть существуют разные версии одних и тех же событий. Это даже интересно – узнать разные точки зрения.

А если вы просто захотите покритиковать меня и мое понимание этих событий, без грамотного и доступного для восприятия изложения своей версии и точки зрения, а просто ради критики, то прошу вас не трудиться сообщать мне о своем несогласии с моим изложением. Отрицательные – огульные – отзывы на свои произведения я не читаю. Педагогическое обвинение «ты не любишь критики», как отрицательное свойство характера, я на дух не воспринимаю. Да, не люблю и не хочу. Я даю описание и анализ своей реальной жизни, какая может быть критика? И кто критикующие? Они разве избраны в жюри Судного дня вместе с Архангелами?

Постулат № 7

Я не читаю отрицательные отзывы, но я читаю положительные. И всегда благодарю – письменно – за них. Не потому что я «падка на лесть», и не потому, что я жизненно нуждаюсь в одобрении и поддержке. Я очень радуюсь положительным отзывам, люблю их, читаю, перечитываю – потому что радуюсь. Я радуюсь, что есть на свете мои единомышленники, способные понять меня и воспринять мой опыт для их собственного обучения и развития. И если хотя бы один человек, из всех десятков исписанных мною страниц, выберет хотя бы один вывод, который позволит ему подстелить себе соломку, прежде чем упасть... то мое писательство станет миссией. А это – повод радоваться.

Постулат № 8

Если во время прочтения повести вам показалось, что вы знали людей, о которых идет речь, то я вас уверяю: совпадение имен и событий, в вашем случае, совершенно случайно.

События из жизни других людей, которые описываются в моем произведении, происходили давно – 25 или 30 лет назад, также я не указываю фамилий, адресов, городов, где события происходили. И таким образом защищаю чужую частную жизнь, пусть даже людей уже нет в живых. В более поздних – хронологически – событиях чужая личная жизнь защищается мною изменением имен.

Если вам показалось, что вы узнали людей по характеристикам и описанию внешности, то я также уверяю вас: совпадение для вас случайно. Наша память порой искажает действительность, и может над нами подшучивать.

Претензии читателей, что я кого-то из людей, которых читатели якобы знали, узнали, вспомнили и т. п., будто бы неточно описываю, даю неверную их характеристику, нарушаю хронологию событий их жизни, я не приму. Также я не приму претензии о том, что я обнародовала информацию о чужой частной жизни, ввиду их безосновательности.

Все события, описываемые в повести, абсолютны правдивы. Они были на самом деле. И списаны с «пленки» моей памяти, в моей интерпретации. Однако я все сделала, чтобы защитить чужие тайны. А для любителей выставять претензии, выдвигать обвинения и критиковать ради самой критики я еще раз заявляю:

У меня нет намерений открывать чужие тайны, обидеть, оскорбить или причинить вред кому-либо. Любые совпадения с реальными лицами и персонажами в моих литературных произведениях, и в данной повести тоже, являются случайными и не могут быть расценены как намерение причинить вред конкретным персонам.

Глава 1. Первый звоночек

Говорят, что пришедшая вдруг беда – никогда не бывает столь уж неожиданной. Беда всегда заранее, заблаговременно, иногда очень задолго, шлет своего первого «гонца» – определенное событие. Мол, – пытается она заранее предупредить нас, – планирую подъехать к тебе, пришвартоваться, так сказать, у твоего причала. В народе такие сообщения-предупреждения с «гонцами» именуются «звоночки». Это как бы предупреждение судьбы: будь осторожен. Или: прими меры, реши вопрос, не нарушай закон. Если распознать этот сигнал-звоночек, понять его, узнать его как «первый звоночек», исправить что-то, или стать осторожнее, то беда и вовсе может отменить визит в твою жизнь. А если пропустишь звоночек, ничего не изменив в себе и своей жизни, то беда придет точно.

Иногда звоночков бывает два или даже три. Больше, как правило, не бывает – слать их по конкретному адресу уже некому.

События конца августа 1999 года как первый звоночек я не распознала. Я поняла их как предупреждение о необходимости принять меры только через два года, когда пришел второй «гонец». Однако в августе 2001 года звоночек второй выглядел не как предупреждение. Я восприняла его как свой конец. Однако, все по порядку.

Заканчивалось очень жаркое лето 1999 года. Даже в стране «вечно зеленых помидоров», как некоторые называли Владимирскую область, помидоры покраснели на грядках. Обычно же их срывали зелеными уже перед холодами, и выкладывали на подоконниках. К Новому году помидоры бурели, то есть созревали окончательно.

Летом я много трудилась на огороде в поселке – к дому моих родителей прилагался участок в 6 соток. После работы искупаться было негде – женский день в поселковой бане был только один раз в неделю – и я придумала способ освежаться. С утра я приносила на огород ведро воды и ставила его на солнце. После окончания работы я раздевалась до купальника и прямо на улице – на огороде – выливали на себя эту воду.

За моими купальными процедурами наблюдали соседки. Они тоже работали на своих огородах справа и слева.

В этом поселке было много женщин преклонного возраста. Моим соседкам по огороду было за 80, но выглядели они прекрасно. Целыми днями буквой «зю» они стояли на огороде (я так наклоняться с прямыми ногами, и часами держать голову в наклоненном состоянии, почти как при стойке на голове в Йоге, не могу – при прополке я присаживалась на маленький табурет). А вечером эти бабульки надевали беленькие платочки, красили губы яркой помадой в стиле середины 40-х годов 20 века, и шли петь в хоре в местный Дом Культуры.

Бабулек в поселке было много, а дедов – раз, два, и обчелся. Мужчины там рано умирали. Потому что много пили.

Так вот мои соседки по огороду сделали мне замечание по поводу моих купаний: «Так делать нельзя, даже когда лето жаркое. Это – Россия (они знали, что я приезжая из другой страны). Здесь такой климат, что не заметишь, как тебя просквозит-продует. Заболеешь!»

Однако я к соседкам не прислушалась, и продолжала обливаться, а также бегать по огороду босиком. Соседки качали головами – сами они были обуты в высокие галоши и на шерстяной носок.

Лето заканчивалось, я не простудилась, не кашляла, и считала, что все отлично. Соседки в возрасте, поэтому такие осторожные, – решила я, – а не потому, что они в этом поселке родились и всю жизнь жили, знали климат и как нужно себя вести и беречь. Теперь-то я понимаю, что здоровье – это богатство, которое нужно беречь всю жизнь. И что такое долгожительство и выносливость деревенских женщин были следствием их мудрости, а не просто даром свыше. А я в то лето застудила свою грудь.

Стирка

Оставалось совсем немного времени до 1 сентября, когда я должна была приступить к работе на новом месте – во Владимире, в университете, на одной из кафедр престижного факультета.

Я снимала комнату в городе Гусь-Хрустальный (в народе коротко именуется «Гусь»), возле стекольного оптового рынка. Мне предстояло с сентября ежедневно проделывать серьезный путь во Владимир и обратно в Гусь, так как сразу снять жилье во Владимире мне было не по карману. А это на фоне новой работы было испытанием, но я настроилась и не боялась.

В своей комнате в Гусе я готовилась к новому, сложному и интересному периоду своей жизни, а также перестирывала и гладила одежду – в городе на новом месте работы хотелось хорошо выглядеть. В один день я натаскала воды к себе в комнату в ведрах, и села на корточках перед тазиком – стирать.

Сейчас мало кто стирает, сидя на корточках. Попробуйте – и станет ясно, что в этой позе правое колено упирается в правую грудь. Также было и у меня.

Я стирала и даже что-то напевала, но мне понадобилось потянуться за коробкой стирального порошка – немного вперед. И давление колена на грудь на секунду усилилось.

Эта секунда произвела неожиданный эффект. От давления колена – в груди возникла такая боль – по силе и необычности – что я, как от удара током, упала назад и ударилась о стену. Видимо, от страшной боли, я инстинктивно хотела вскочить, но потеряла равновесие.

Я сидела, облокотившись на стену, непонимающе смотрела на чуть не опрокинутый таз со стиркой, на рассыпанный стиральный порошок. Сердце у меня сильно стучало. От воспоминания о незнакомой доселе боли в груди мне стало жарко, и я покрылась испариной.

Я внимательно и осторожно осмотрела правую грудь, тщательно прощупала ее. Ничего. Все нормально и не больно. Ничего не понимая, я встала, достирала, на всякий случай больше не дотрагиваясь до груди.

Наступила ночь. Я легла спать. Все было хорошо и у меня ничего не болело.

Глубокой ночью я проснулась от невероятной боли. Сердце вырывалось из груди, а я вся обливалась липким потом. Видимо, во сне я резко вскинула правую руку за голову, и это спровоцировало повторение боли в груди. Теперь сама грудь ныла и болела от такого мощного разряда боли. Я не спала до утра, и не знала, что же мне предпринять.

На следующий день мне стало хуже. От любых движений боль повторялась. Мне было очень страшно. И нужно было с кем-то посоветоваться. Мысли о посещении врача у меня не было – прописка у меня была «левая». Там, где я была прописана раньше – в служебном жилье – меня не выписали негласно, в нарушение закона. Моя подруга Лизонька была мэром поселка и ведала прописками. Она и «прикрыла» меня, не выписала, чтобы документы у меня были в порядке – внешне. «До лучших времен и пока я при должности», – сказала мне она.

Я стала думать, кто из людей может что-то знать в отношении болезней женской груди. Осторожно спрашивала людей. В том поселке, где я раньше работала, была такая женщина. Она заболела после смерти в автокатастрофе мужа и сына, перенесла несколько операций по удалению молочных желез. Женщина эта постоянно ездила в областной центр на повторное лечение, периодически ей проводили «химию». Она была на инвалидности. Ни с кем не общалась. Поехать к ней я не решилась.

В деревнях все слухом полнится, и мне рассказали, что в другом поселке живет семья Орловых. Их дочь, которая живет в другом городе, перенесла операцию по удалению груди. Она женщина общительная, добрая. Можно с ней познакомиться и поговорить. Приезжает она к родителям по выходным.

Я поехала познакомиться с этой женщиной. Ее звали Марина.

Марина

Марина оказалась приятной, невысокой, худенькой женщиной, старше меня немногим более чем на 10 лет. То есть ей было в тот момент чуть за 50 лет. Марина внимательно выслушала меня. И рассказала мне свою историю:

Всю жизнь она была замужем за прекрасным человеком. У них выросла хорошая дочь, родились внуки. Счастье было полным, а жизнь – безоблачной. У них была прекрасная квартира в городе и материальный достаток, так как муж занимал очень высокий и важный пост.

Несколько лет назад, продолжила рассказ Марина, – внезапно пришла беда: муж скоропостижно скончался.

Для Марины жизнь остановилась. Ее больше ничего не радовало. Она ничем не интересовалась. Ровно год она просто сидела дома, смотрела в одну точку, плакала, горевала и страшно тосковала о своем любимом муже.

А через год у нее заболели груди. Как у меня сейчас. И она пошла к врачу. Ее тут же положили в больницу и стали готовить к операции.

Сейчас, – говорила мне Марина, – я понимаю, что заболела от тоски. Женская грудь является органом-мерилом-индикатором женского счастья или несчастья. Надо было отвлекаться, найти какое-то утешение, а не просто неизбежно горевать. И тогда можно было бы не заболеть и не потерять грудь.

Марина перенесла операцию. Кажется, в медицине это называется мастэктомия.

Уже когда Марину выписали из больницы, и она успокоилась, смирилась и с потерей мужа, и потерей груди, приобрела протез женской груди, и стала его носить, «пришли» результаты «гистологии».

Биоматериал, который иссекают от тела во время операций, обязательно отправляют на исследование – называется гистологическое – для уточнения, какие клетки были причиной новообразования – доброкачественные или нет.

Так вот, результат гистологического анализа Марины был таков: «новообразования были доброкачественные».

Марина очень расстроилась. Ведь можно было не делать операцию. А лечиться консервативно. Однако ее лечащий врач успокоила ее: «Радуйтесь, что – доброкачественно. В другом случае пришлось бы сейчас начинать химиотерапию. А вы просто живите и радуйтесь».

Аргумент врача Марина сочла двояким. Можно радоваться. Но не сильно хотелось. Грудь то «отрезана». А Марина уже поняла, что не против была бы в будущем устроить свою личную жизнь, выйти замуж. Но теперь она – инвалид. Вместо груди – протез. Для женщины это – трагедия.

Марина очень хотела снова выйти замуж. И не потому, что она уже забыла умершего супруга. Но и не потому, что не мыслила своей жизни без мужчины в физиологическом смысле. Я ее поняла: у нее на подсознательном уровне счастливая жизнь была нераздельно связана с состоянием «замужем». Всю свою жизнь она была счастлива в крепком и надежном брачном союзе. Другая жизнь, без мужа, просто не вмещалась в ее сознание.

Главный вывод из своих слов Марина сделала такой: лучше рискнуть своей жизнью и не пойти к врачам. Лечиться самой. Если нет «того самого – самого страшного (рака молочной железы, или РМЖ)», то тебе помогут народные и психотерапевтические методы. А уж если у тебя «то самое – самое страшное (РМЖ)», то очень маленькая вероятность, что ты выздоровеешь – Марина привела много примеров, когда, несмотря на операции и лечение, женщины все же умирали. «Я не буду тебе советовать, – сказала мне Марина, – решай сама. Но если бы вернуть тот момент, когда я решила обратиться к врачам, то я бы решила к ним не обращаться».

Марина обратилась к медицине, получила лечение, выжила. Но у меня был в памяти другой пример. С таким же диагнозом человек обратился к официальной медицине, получил лечение, и все равно не выжил. Это была моя сокурсница по аспирантуре Зайтуна.

Зайтуна

Зайтуна была моей дальней родственницей и сокурсницей по аспирантуре, на год младше курсом. А по годам она была моложе меня на два года. Ее знал весь университет, потому что до аспирантуры, и во время студенческого периода, она работала в отделе кадров университета, инспектором. Отдел кадров располагался в главном корпусе вуза. Что на улице Ленина, напротив помпезного здания ТаджикСовПрофа.

Зайтуна составляла кадровые приказы по личному составу – прием, перевод, увольнение, и, естественно, что все сотрудники вуза «проходили» через ее руки. Так же я ней познакомилась и я – по нашей дальнородственной связи мы никогда не встречались.

Моя дальняя родственница была полной, белокожей и очень высокой девушкой. Она была даже выше меня (мой рост 176 см). В глубине своей памяти я как на экране вижу Зайтуну, выходящей из Главного корпуса слева, не из центрального входа. Светит яркое солнце, но уже вечернее, а на Зайтуне шифоновое платье шоколадного цвета. Идет медленно, плавно. Она красива и несет себя величаво и достойно. Зайтуне было тогда 23 года.

У Зайтуны были достоинства внешности, которые котируются в любой нормальной культуре как истинная красота. Это очень высокая грудь при тонкой талии, пышные женственные формы, огромные бархатные глаза и необыкновенной красоты и густоты темно-каштановые волосы ниже плеч.

Зайтуна укладывала волосы на плечах крупными волнами, и это было настолько красиво, что можно было считать обладательницу такой прически сказочной принцессой – возлюбленной персидского царя древности.

Походка у Зайтуны была царственной. Она никогда не делала резких движений, поворотов. Плавно несла она свое крупное тело по дороге жизни. И никогда не носила обувь на каблуках. Стеснялась роста.

Мы с Зайтуной подругами не были никогда. Мы симпатизировали друг другу, но на расстоянии. Я была противоположным по динамике человеком – ходила быстро, поворачивалась резко (ко мне иногда применяли глаголы «маршировать», «гарцевать»). Волосы свои я собирала в тугий узел на затылке. Я настолько интенсивно двигалась, что если бы я вздумала сделать такую прическу, как у Зайтуны, то уже через полчаса мои волосы сбились бы в плотный клубок, сваялись, и этот клубок распутать было бы невозможно – только срезать под корень. (Делаю оговорку для читателей, что речь идет о 1983 г. Сегодня я уже не совсем такая).

Однажды я заметила, что как ни приду на кафедру, не встречаю Зайтуну. Я заволновалась: не заболела ли она? Мне сказали, что Зайтуна заболела пневмонией и лежит в больнице. Я решила, что ничего страшного в этом нет, просто простудилась, выздоровеет скоро.

Через некоторое время, так и не встретив Зайтуну на кафедральных мероприятиях, я подумала: что-то долго слишком она болеет рядовой пневмонией. И я позвонила нашей общей родственнице Але, чтобы справиться о здоровье Зайтуны. Аля близко общалась с матерью Зайтуны и потому знала подробности.

Зайтуну положили в больницу с диагнозом «пневмония» и пролечили антибиотиками. Однако состояние и анализы не улучшились. Лечение не помогло, и продолжались вспышки температуры до очень высоких значений. Зайтуну начали серьезно обследовать. Потому и продолжает она лежать в больнице так долго.

Вспышки температуры я считала признаком серьезного воспалительного процесса в организме и расстроилась: заподозрила страшное. Мои подозрения подтвердились, когда через некоторое время Аля позвонила мне и рассказала, что Зайтуне поставили диагноз: РМЖ.

Зайтуне сделали операцию по удалению опухоли в молочной железе. Медики также убедились, что признаки пневмонии были неспроста – в легких уже давно были метастазы, кото-

рые давали перманентный воспалительный процесс. Впоследствии легкие Зайтуны постоянно давали клинику пневмонии и заполнялись жидкостью – ее периодически откачивали в стационаре.

Аля рассказала мне о своем понимании причин болезни Зайтуны. У молодой женщины был 2-хлетний сын. А муж, которого Зайтуна безумно любила со школьных лет, недавно ушел от них. Полюбил другую. Зайтуна вернулась с малышом к родителям, они помогали ей в воспитании ребенка.

Тихая, молчаливая Зайтуна замкнулась в себе, часами дома молчала. Она решила заниматься наукой, чтобы отвлечься от переживаний. Поступила в аспирантуру. Однако предательство близкого человека никакой наукой не вылечишь. И, видимо, боль утраты материализовалась в опухоль.

Это была версия Али о причине болезни Зайтуны. И я сочла эту версию очень верной.

Зайтуна вернулась к учебе, работе. Однако последующие годы ее жизни были полностью наполнены бесконечным лечением, страданием, переживаниями. Усидчивая, правильная, порядочная женщина упорно училась, писала диссертацию, воспитывала сына. Очень часто лежала в больницах. Стойко переносила дополнительные медицинские вмешательства. Оказывается, она бесконечно в эти годы страдала.

Никогда и никому Зайтуна не рассказывала о своей любви к предавшему ее мужу. Она была однолюбом. Ее бывший муж был первым и единственным мужчиной в ее жизни.

Я узнала и о страданиях Зайтуны в эти годы, и подробностях ее биографии только в 1988 году. Часть – рассказала мне сама Зайтуна, часть я узнала от Али.

А тогда – я закончила аспирантуру и защитила диссертацию, получила диплом кандидата наук намного (на 2 года) раньше Зайтуны, и больше ее не встречала.

А жизнь ее, оказывается, складывалась так:

Шло время. Несмотря на успешную операцию, постоянное наблюдение врачей, Зайтуне становилось все хуже. Рак не отступал. Повторные операции, «химия», облучения, препараты, откачки жидкости и другие манипуляции – это все стало неотъемлемой частью жизни несчастной женщины.

Несмотря на тяжелую болезнь, Зайтуна сумела написать и успешно защитить диссертацию. По распределению вышла на работу, на кафедру политэкономии одного ведущего вуза республики.

Но я какое-то время ничего не знала о Зайтуне. Меня полностью поглотили работа, семейные дела, новая собственная квартира.

Но однажды мне, дома у родителей, говорят: иди к телефону, тебе звонит какой-то неизвестный мужчина.

Я взяла трубку и услышала незнакомый мужской голос: «Здравствуй, Руфа. Это Зайтуна».

Теперь Зайтуна стала звонить мне очень часто – почти каждый вечер. Мы с ней подолгу разговаривали. Обсудили все-все-все. Очень откровенно, искренне. А ведь никогда подругами не были. Я и не поняла, почему она стала вдруг мне звонить и настолько открывать душу. Ведь, по сути, и всю жизнь, она была молчуньей, очень скрытной и замкнутой.

Сейчас я думаю, что разоткровенничалась со мной Зайтуна от переполнявшего ее в тот момент одиночества.

Я очень жалела Зайтуну. И не жалела время, которое тратила на разговоры с ней. Хотя мне было страшно слышать ее грубый голос. Не ее, чужой, неестественный.

Зайтуна настойчиво приглашала меня к себе в гости. Но я не шла. Конечно, главной причиной – внешней – была моя высокая занятость. Я очень деятельный человек и у меня было много работы и забот: дом, ребенок, работа, спорт, да и свои проблемы со здоровьем.

Высокий темп жизни, интенсивность жизнедеятельности я сохраняю и сейчас, в возрасте под 60 лет. Можете себе представить, как все кипело у меня, когда мне еще не исполнилось и 30!

Но внешняя причина не была главной. Я боялась.

Зайтуна больше не скрывала свои проблемы. Она рассказывала все подробности пяти лет, которые прошли с момента той первой госпитализации, еще в аспирантуре. А сейчас, пожаловалась мне она, у нее то ли от приема гормонов, то ли от «химии», появились мужские признаки. Огрубел голос и стали расти усы и борода. Она ежедневно брилась. Также у нее выпали ее прекрасные волосы. Она носила парик. В те времена, в 80-е годы, еще не было красивых естественных париков, какие есть в настоящее время. Парик у Зайтуны был ужасен. Она сказала мне, насколько она страдает, что превратилась в такое чудовище. С накладными грудями и накладными волосами. Да еще и почти двухметрового роста.

Насчет роста. Когда от Зайтуны ушел муж, кроме боли от предательства, Зайтуна, оказывается, переживала еще одну: с таким ростом – выше 180 см – она не имеет больше шансов на любовь, счастье, замужество.

Когда Зайтуна вдруг поделилась со мной переживаниями по поводу роста, я ее очень хорошо поняла. И вот почему.

Моя мама внушала нам с сестрой с юных лет, что нам надо сторониться высоких мужчин и в мужья выбрать мужчин меньше себя ростом, с маленьким размером ноги. И обязательно – чтобы наши свекрови были очень маленькие. Очень смешно думать об этом сейчас, но мы с сестрой так и поступили (как и примитивные амебы, мы выбирали партнеров не по любви или взаимопониманию, а по размеру). Мой рост 176, а у сестры – 174. Наши мужья были на 5–7 см ниже нас, с маленькими стопами, и очень маленькими татарскими мамами – по 140 см каждая. С подачи нашей мамы мы считали себя в связи с высоким ростом неполноценными. И задание мамы выполнили, оберегая свое потомство – от маленького мужчины не родится «длиннобудылая» девка (как я), которую никто замуж не возьмет.

Я пишу это не потому, что осуждаю свою маму. Нет. Она очень хотела счастья своим дочкам. Но она жила в Средней Азии, где подавляющее большинство населения очень низкорослое, особенно местное население – таджики. И высокие люди там выглядели на фоне общей массы как атланты, гиганты. Рослых людей, тем более женщин, было бесконечно мало. Мама очень страдала, что у ее дочек плохая наследственность из-за рослости. А своего мужа (нашего отца) она называла «уродом-великаном». Его рост был 186 см. Размер обуви – 45. Мама горько сетовала, что не подумала в молодости об этом, и вышла за такого «длинноту», у которого ботинки как «корабли», стоят в коридоре, и занимают все пространство. Но самое главное ее переживание было в том, что от этого «громилы» родились слишком рослые девочки (мы с сестрой), которым трудно найти мужа.

В молодости по этому вопросу я была согласна с мамой. Но позже, в России, я вдруг поймала себя на мысли, что боюсь своих студентов – они все такие большие, когда обступают меня со всех сторон и суют мне свои зачетки или рефераты. Мне стало странно, ведь я всегда была самая огромная! А тут вдруг я стала выглядеть как мышка. Потом, когда я работала на заводах, я составляла списки рабочих для заказа спецодежды – группировала людей по росту, весу, размеру обуви. И тут я опять вспомнила слова мамы про папу – «великан». А по спискам для заказа рабочей одежды было видно, что рост моего отца был даже ниже среднего по заводу!

Однако проблема роста стала смешной для меня намного позже разговора на эту тему с Зайтуной. А тогда я разделила ее переживания по этому поводу. Действительно, у нее были основания считать, что ей с таким ростом трудно выйти замуж.

Все рассказы и жалобы Зайтуны я принимала близко к сердцу, часто плакала. Особенно я плакала, когда вспоминала, какой красавицей она была раньше. Образ царственной красавицы никак не вязался с ее грубым голосом и ее описаниями собственной внешности на текущий момент. И я боялась идти к Зайтуне в гости.

Даже сегодня я очень трепетно отношусь к внешнему виду. Я считаю, что красивая внешность является важной составляющей женского счастья для любой женщины. Каждой очень хочется хорошо выглядеть. Женственность и нежность культивируются, как условия нравиться. Качество кожи и цвет лица – как признаки здоровья. Макияж, украшения, одежда, обувь, одежда – все это очень и очень важно.

Однако сегодня мое внимание своей внешности – это капля по сравнению с тем, сколько внимания, заботы и переживаний тратилось в этом отношении 30-летнем возрасте. Казалось бы, должно быть наоборот! Молодость-то хороша само по себе. Однако дело не в усилиях по созданию красоты – она у меня была от природы. А в том, какое этой красоте придавалось значение. Это сейчас я не надену обувь на каблуке, потому что тяжело ходить, и мне все равно, что тапки портят общий вид. А тогда, в молодости, в самую жару я могла весь день ходить в изящной обуви, мучиться, страдать, но «выглядеть». И так в отношении всего-всего.

При такой щепетильности в отношении внешности и красоты услышать про проблемы Зайтуны для меня было так же страшно, как и про вселенскую катастрофу.

Не только мое, но и общественное мнение, мнение всех знакомых мне женщин гласило, что внешность и красота, привлекательность для мужчин – это суперважно. Это страшное горе – потерять свою красоту, как ее потеряла Зайтуна. Мысли у всех женщин, и у меня, и у самой Зайтуны были одинаковы – лучше умереть, чем стать безобразной.

Внезапно Зайтуна перестала мне звонить по вечерам. Прошло какое-то время. Я часто вспоминала ее и все собиралась позвонить сама. Но как – то не получалось. Ведь разговоры не получались короткими, нужно было выбрать время.

Однако вскоре мне позвонила Аля и сказала, что Зайтуна лежит в отделении онкологии республиканской больницы Кара-Боло. Она умирает. И еще Аля сказала, что Зайтуна просила передать, чтобы я обязательно пришла к ней попрощаться.

Я знаю, что нужно выполнять просьбы умирающего человека. Мне было очень страшно, но я решила пойти.

На кухне пили чай моя мама и наш семейный врач Анна Семеновна. Я рассказала им, что пойду прощаться с Зайтуной. Они обе, хором, начали меня ругать. Прямо-таки налетели, как коршуны. Аргументы «против» они привели сильные. Это – моя повышенная чувствительность, плаксивость, нарушения сна, частые и тяжелые приступы мигрени, и, самое главное: дважды в год я ложилась в больницу в отделение гинекологии, так как в возрасте с 27 (и до 32) лет у меня были циклические гормональные сбои, и очень серьезные. Без помощи медиков и госпитализации не обходилось. И потому заключительный аккорд разговора воспроизвела наш доктор такой: «Ты сама нездорова, тем более что по-женски ты явно слабенькая особенно. А есть версия, что рак заразен. Тебе нельзя туда идти. Тебе гарантирован нервный срыв, как минимум. А как максимум, тебя будем хоронить вслед за Зайтуной».

И я дала обещание, что не пойду. Я согласилась не пойти не потому, что я такая послушная, и выполнила приказание старших женщин. Просто их слова стали озвучкой моих собственных внутренних страхов. И я выпустила на волю свою трусость, малодушие, слабость и неустойчивость. Я не пошла.

Прошло 25 лет с того дня. И мне до сих пор стыдно, что я не выполнила просьбу умирающего человека. Я не уважаю себя за этот поступок.

Зайтуна умерла через несколько недель.

Эти несколько недель я болела, была на больничном, и выполняла требование врача – постельный режим. И все это время я непрестанно думала о Зайтуне. Я горевала и переживала. Также я усиленно размышляла о смерти вообще. У меня дома было много журналов «Наука и религия» – подшивки за много лет – папа выписывал мне много журналов. Я перечитывала журналы и делала подборку статей на тему сущности смерти с разных точек зрения – религиозной, научной, эзотерической.

Были статьи, описывающие состояние умирающих, и статьи о потустороннем мире тоже были. Я читала это все, и в моей душе царил ужас. Я представляла, каково сейчас Зайтуне: знать, что вот-вот подойдешь к этой черте, и очутишься там, по ту сторону. А что там – никто не знает точно. Даже авторы больших и подробных статей в журналах «Наука и религия». У меня промелькнула мысль, что надо было бы пойти к Зайтуне и отдать ей мою подборку статей. Чтобы как-то подготовиться, настроиться. Вдруг бы ей это облегчило состояние? Но я сразу отбросила эту мысль, ведь неизвестно, как бы все это воспринял умирающий человек.

На момент смерти Зайтуне было 28 лет. Родителям остался от дочери 7-летний внук, такой же красивый, как и его мать.

Ровно 5 лет врачи самоотверженно боролись за излечение этой молодой женщины. И все эти годы ее жизнь состояла из одних мучений и страданий.

Бывшего мужа Зайтуны на ее похоронах не было.

* * *

Вернемся, однако, в 1999 год, к моей беседе с Мариной.

Марина была со мной очень откровенна. Часто люди более откровенны с посторонними, например с попутчиками в поезде, нежели со своими близкими.

Я не стала посвящать Марину в свои проблемы, например, что я не могу обратиться к врачам из-за прописки. Передо мной не стояла дилемма – идти к врачам или нет. Мне нужно было лишь найти способ помочь себе сиюминутно – снять боль, сохранить трудоспособность. Я не думала о сохранении своей жизни, здоровья. Мне нужно было только выйти вовремя на новую работу, получать зарплату и выжить. Какое-то время. А потом – все равно.

Сейчас я считаю мои мысли того времени неправильными. Мне надо было решать проблему иначе. Заболела? Надо было обратиться за помощью к родителям, прописаться у них, лечь в больницу по направлению, официально, обследоваться у серьезных медиков, получить лечение, проанализировать ситуацию. Отменив выход на новую работу. Но так как у меня не было финансовых возможностей на все это, надо было изыскать эти возможности, добиться получения бесплатной помощи – есть же какие-то организации, которые ведают этим. И в случае такого рационального поведения, Жизнь, Судьба, Вселенная увидели бы, как я ценю свое здоровье, свою жизнь. Что я берегу себя, забочусь о себе. И обязательно помогали бы мне. А я вела себя совершенно иначе. И жизнь сделала вывод: «сколько ее ни лупи, она ничего не понимает. Никому не доверяет, ни с кем не делится, взваливает на себя все больше и больше. Надо усилить давление на нее, переключить режим стирки на более жесткий. Чтобы поняла, как надо правильно мыслить и действовать. Она должна изжить свой мазохизм!».

Но я вместо рационального поведения записала и запомнила советы Марины, и начала лечиться сама. Первое, что сказала сделать Марина, это сшить или купить два очень глубоких и закрытых лифчика. Как у наших бабушек в 50-е годы. Внутри чашек выстрочить все клеенкой. Это нужно для сохранения тепла и влаги вокруг молочных желез. Предстояло непрерывно делать компрессы. Капустный сок, свекольный сок, собственная моча. Марлеву салфетку надо было пропитывать теплой жидкостью и прикладывать на грудь, сверху лифчик с клеенкой, сверху очень облегающую футболку, а потом перевязывать шерстяным платком. Так как сказано было, что особенно полезна детская моча, то я съездила к маме и попросила собирать в бутылочку мочу моей маленькой племянницы. Маме я объяснила это косметическими нуждами – лицо отбеливать. Ежедневно я ездила забирать эту бутылочку.

На ночь рекомендовалось сделать повязку на грудь с мазью Вишневского и правую руку прибинтовывать к телу, чтобы во сне резким движением не вызвать приступ боли.

Также рекомендовались такие народные методы, как заговоры. Их нужно было «читать на воду на убывный месяц, и пить ее на утренней заре и вечером»:

1. Исповедовал Иоанн Креститель, очищал и лечил души. Очисти и исцели рабу Божью (имя) от рака. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

2. Как речной рак пятится, так и ты, рак груди, уйди с тела рабы Божией (имя). Аминь.

3. Иди туда, где зимой пашут, летом снег гребут, где мертвые спят. Там тебя, рак, ждут. Слово крепко и легко. Аминь.

4. Как яйцо в курицу назад не вернется, как палка – сухой сук – дубом не станет, так рак от рабы (имя) откачнется и отстанет. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

Пока не вышла на работу, все эти процедуры – повязки, и другие рекомендации, я выполняла непрерывно. Но вот наступил сентябрь, и я начала работать. Новый город, новый коллектив. Ежедневные междугородние поездки туда-обратно. Невозможность применения мочи и прочих пахучих компрессов. Требование быть в нормальной одежде, а не в футболке поверх допотопного лифчика с клеенкой внутри.

Что делать? Как лечиться? Компрессы я стала делать только на ночь. Весь день страдала от болей, страха, утомления. В автобусе вечером по дороге к месту ночлега старалась забиться в кресло в углу и поплакать немного. Весь день нельзя было расслабляться. Начались лекции: я должна была быть красивой, уверенной в себе, грамотной и энергичной. Я держалась.

От нагрузки на голосовые связки, общего напряжения и утомления, ровно через неделю я заболела. Поднялась высокая температура, и начался ларингит. Горло болело очень сильно, как-то неестественно даже.

Я не могла признаться в болезни никому. Я пошла в аптеку и купила ампулы гентамицина. Почему именно это лекарство? Я помнила, что оно мне помогло когда-то при серьезной простуде (не успели в горах засветло спуститься с перевала в долину и ночевали на леднике). Вот и купила его. Купила также шприцы. И начала себе делать уколы. Продолжала работать и скрывать свое состояние.

Мое состояние заметила коллега Инна.

Новые подруги

Инна тоже была приезжей и снимала во Владимире квартиру. Она спросила меня, не болею ли я, что-то стала бледнее, чем была в первые дни. Я сказала, что возникли проблемы с горлом. Инна спросила, где я живу. Я рассказала, что пока езжу из другого города, а после первой зарплаты планирую снять жилье здесь. Она одобрила мой план, но предложила не ездить, а временно пожить у нее. Есть второй диван в квартире, которую она снимает, и ей будет веселей со мной. Ежедневно ездить из другого города – это страшный путь, сказала она. Тем более, что ты болеешь, адаптируешься к новой работе. Да и голосовая нагрузка – лекции читать – большая. Видимо поэтому, горло и заболело.

Я с радостью приняла предложение. Предложение человека, которого видела второй раз в жизни.

Неделю мы с Инной соседствовали. Вечерами мы с ней по 2–3 часа рассказывали друг другу разные истории и непрерывно хохотали. А по истечении этой недели я на остановке увидела объявление о сдаче квартиры, позвонила хозяйке, договорилась о переезде. Инна критично оценила квартиру, ее расположение, стоимость, одобрила и помогла мне переехать.

Инна была моложе меня лет на 10. Она была красивой, белокурой дамочкой с пышными формами. Очень впечатлила меня ее коллекция нижнего белья. Я такого изысканного белья никогда не видела. Ажурное, тонкое, дорогое. Это были и боди, и традиционные виды белья. Пояса и ажурные чулки. Но самым интересным было то, что коллекция состояла из комплектов белья необычных расцветок. Например, красное, шоколадное, индиго, сирень. Оля пожурела меня: почему у меня столь старомодное белье?

Конечно, Инна заинтересовалась конструкцией моего ночного лифчика, с клеенкой. Пришлось пожаловаться: боли, страхи. И Инна рассказала, что на кафедре есть женщина, которая по этой части специалист – Валя. Состоит на учете в поликлинике, по этой болезни, много лет. Поговори с ней, посоветуйся, – сказала мне Инна. У нее не было никаких операций, она успешно лечится. Также она очень счастливая жена и мать, очень общительная и добрая.

Я так и сделала. Получила я от Валечки много дельных советов, рецептов. И я до сего дня с этой прекрасной женщиной переписываюсь.

По совету Валечки я отказалась от экстремальных способов лечения – мочой, и ношения лифчика с клеенкой. Вместо этого я стала пить таблетки Мастодиона и делать повязки с Мазью Окопника.

А также, несколько позднее, я завела себе пару комплектов очень красивого белья, как у Инны, в том числе и красного цвета. Я сочла, что она права: у настоящей женщины обязательно должно очень красивое белье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.